

Глеб Ермолаев пошёл на войну добровольцем. По своей доброй воле он подал заявление в военкомат и просил поскорее отправить его на фронт — сражаться с фашистами. Глебу не было восемнадцати лет. Он мог бы пожить ещё дома полгода или годик — с мамой и сёстрами. Но фашисты наступали, а наши войска отступали; в такое опасное время, считал Глеб, нельзя медлить, надо идти на войну.

Как все молодые солдаты, Глеб хотел попасть в разведку. Он мечтал пробираться в тыл врага, брать там «языков». Однако в стрелковом взводе, куда он прибыл с пополнением, ему сказали, что будет он бронебойщиком. Глеб надеялся получить пистолет, кинжал, компас и бинокль — снаряжение разведчика, а ему дали ПТР, противотанковое ружьё — тяжёлое, длинное, нескладное.

Солдат был молод, но понимал, как это плохо, если не любишь вверенное тебе оружие. Глеб пошёл к командиру взвода, к лейтенанту с не очень хорошей фамилией Кривозуб, и всё рассказал начистоту.

Лейтенант Кривозуб был старше солдата всего на три года. Волосы у него были чёрные, кудрявые, лицо смуглое, а рот полон белых, ровных зубов.

— Так, значит, в разведку? — переспросил лейтенант и, улыбнувшись, показал свои прекрасные зубы. — Я сам о разведке думаю. Давай переименуем стрелковый взвод в разведвзвод и все махнём в тыл к фашистам. Я, — сказал Кривозуб шёпотом, — давно бы это сделал, да вот никак не могу сообразить, кто вместо нас будет оборонять этот участок. Ты, случайно, не знаешь?

— Не знаю, — тоже шёпотом ответил Глеб. Он обиделся на лейтенанта за такой разговор и покраснел от обиды.

— Смелые люди нужны не только в разведке, — сказал лейтенант, помолчав. — Нелёгкое дело досталось тебе, солдат Ермолаев. Ох какое нелёгкое! Ты со своим ПТРом будешь сидеть в самом переднем окопе. И ты непременно подобьёшь танк врага. Иначе он подойдёт к траншее, где обороняется взвод, и всех передавит гусеницами. Пока у нас тихо, с вами, новичками, займётся опытный бронебойщик.

Потом помощника получишь. Ты — первый номер в расчёте, он будет вторым. Иди...

На том участке фронта в то время действительно было тихо. Где-то земля сотрясалась от взрывов, где-то гибли люди, а здесь, на ровном сухом лугу, между двумя рощицами, только кузнечики стрекотали. С настырным усердием извлекали они из своих сухоньких телец однообразные звуки — без передышки, без остановки. Не ведали кузнечики, какой смерч пронесётся над лугом, не знали, как горяча и туга взрывная волна. Если бы ведали, если бы знали, поспешили бы высокими прыжками — через кустики полыни, над кочками — подалее от этих мест.

Солдат Глеб Ермолаев кузнечиков не слышал. Он усердно работал лопатой — рыл свой окоп. Место для окопа было уже выбрано командиром. Отдыхая, когда слабели руки, Глеб старался представить, где пойдёт танк фашистов. Получалось, что танк пойдёт там, где и предполагал командир, — по ложбине, что тянулась через весь луг слева от окопа. Танк, как и человек, тоже старается укрыться в бою в каком-либо углублении, чтобы труднее было попасть в него. А стрелять в танк будут наши пушки, замаскированные в рощицах. Окоп в стороне от ложбины. Когда танк будет на одной линии с окопом, солдат Ермолаев влепит ему в бок бронебойно-зажигательную пулю. На таком расстоянии промахнуться трудно. Пуля пробьёт броню, влетит в танк, попадёт в бак с бензином, или в снаряд, или в мотор — и дело сделано.

Но что, если танков окажется два или три? Что тогда? Представить, как он будет воевать с тремя танками, Глеб не мог. Но не мог он допустить в своих мыслях, что вражеские машины пройдут к траншее. «Пушки подобьют», — успокаивал он себя и, успокоенный, снова принимался долбить лопатой закаменевшую глину.

К вечеру окоп был готов. Глубокий настолько, что в нём можно было стоять во весь рост, он понравился Глебу. Глеб поверил в надёжность укрытия и ещё целый час хлопотал, благоустраивал его. В боковой стенке выкопал нишу для патронов. Ещё выкопал ямку для фляги с водой. Несколько раз уносил в плащ-палатке глину подалее от окопа — чтобы коричневое пятно не выдало врагам его убежище. С этой же целью утыкал ветками полыни насыпь перед окопом.

Второй номер — помощник, обещанный лейтенантом, пришёл к Глебу только в сумерках. Вместе со взводом он тоже занимался

земляными работами — солдаты углубляли траншею, копали ходы сообщения.

Второй номер был втрое старше Глеба. На его небритом лице сияли лукавством голубые глазки. Красноватый носик торчал шильцем. Губы были вытянуты вперёд, словно постоянно дули в невидимую дудочку. Ростом он был мал. Совсем короткими показались Глебу его ноги — в башмаках и обмотках. Нет, не такого товарища ждал броневой бойщик Ермолаев. Ждал опытного бойца, которому с почтением и радостью подчинился бы, которого слушался бы во всём. И первый раз за всю неделю, что был на передовой, Глеб встревожился. Стало ему тоскливо, появилось предчувствие чего-то нехорошего, непоправимого.

— Семён Семёнович Семёнов, — назвал себя второй номер.

Он сел на край окопа, ноги опустил вниз и постучал каблуками о глинистую стенку.

— Крепкая земля. Не обвалится, — сказал понимающе. — Но очень глубоко. Мне из этого окопа только небо будет видно, а мы ведь не по самолётам должны стрелять — по танкам. Перестарался ты, Ермолай Глебов.

— Я по своему росту копал. А зовут меня Глеб Ермолаев. Вы фамилию и имя перепутали.

— Перепутал, — согласился второй номер. — А моё прозвание очень удобное. Заменяй фамилию отчеством, отчество именем — всё равно будет правильно.

Семён Семёнович посмотрел вдаль, туда, где у конца луга серой неясной полоской виднелась просёлочная дорога, и проговорил:

— Длинное у тебя ружьё, а надо бы ещё длиннее. Чтобы достало через луг до дороги. Танки-то оттуда пойдут... Или ствол согнуть — буквой Г. Присел в окопчике — и стреляй в безопасности... Однако, — тут голос Семёна Семёновича стал строгим, — сделал ты, Глеб Ермолаев, ещё одну ошибку — выкопал окоп на одного. Мне на лугу, что ли, лежать? Без укрытия? Чтобы меня в первую минуту убили?

Глеб покраснел, как в разговоре о разведке с лейтенантом Кривоzubом.

— То-то! Ты — первый номер, командир. Я — второй номер, подчинённый. А мне приходится учить тебя. Ну ладно, — закончил Семён Семёнович великодушно, — завтра и мне ямку прикопаем. Не велика работа. Я сам-то не велик...

Последние слова растрогали Глеба. Ночью он долго не мог заснуть. Через шинель, постеленную на земле, кололи то ли камешки, то ли жёсткие корешки. Он поворачивался, чтобы было удобнее, слушал, как ходит часовой вдоль траншеи, и думал о Семёне Семёновиче. «Он, верно, добрый человек. Они, верно, подружатся. А окоп Глеб сам доделает. Пусть Семён Семёнович отдыхает. Он и стар. Он и мал. Ему на войне вот как тяжело!»

Прикопать окоп не удалось. На рассвете заухали взрывы. На рощицы пикировали самолёты и сбрасывали бомбы. Страшнее взрывов был вой пикировщиков. Чем ниже скользил самолёт к земле, тем невыносимее становился рёв его моторов. Казалось, что с этим душераздирающим воплем самолёт врежется в землю и она разлетится, словно стеклянная. Но самолёт над самой землёй выходил из пике, круто лез в небо. И земля не разлетелась, как стеклянная, она вздрагивала, на ней вздувались чёрные волны комков и пыли. На гребнях тех волн качались и кувыркались берёзы, вырванные с корнем.

— По местам! По местам! — кричал лейтенант Кривозуб. Он стоял у траншеи, смотрел в небо, стараясь определить, будут ли фашисты бомбить взвод или сбросят все бомбы на тех, кто занимал оборону по опушкам рощиц.

Самолёты улетели. Лейтенант повернулся, оглядел солдат, притихших на своих местах. Прямо перед собой он увидел Глеба с противотанковым ружьём и Семёна Семёновича.

— Ну, вы что? Идите! — сказал он негромко. — Сейчас будет атака...

— Я один. Второму номеру остаться в траншее! — выкрикнул Глеб, вылезая на бруствер. И добавил, объясняя своё решение: — У нас окоп только на одного...

Глеб тревожился, что не успеет подготовиться к отражению атаки. Он спешно расставил сошки противотанкового ружья, зарядил ружьё, поправил полынные веточки перед окопом, чтобы не мешали смотреть и стрелять, снял с ремня флягу, положил в ямку... А врагов всё не было. Тогда он посмотрел назад, на траншею взвода, и не увидел её — то ли она была так ловко замаскирована, то ли была очень далеко. Глебу стало тоскливо. Ему показалось, что он один-одинёшенек на этом голом лугу и все забыли о нём — и лейтенант Кривозуб и Семён Семёнович. Захотелось сбегать проверить — на месте ли взвод? Не ушли ли солдаты в другое место?

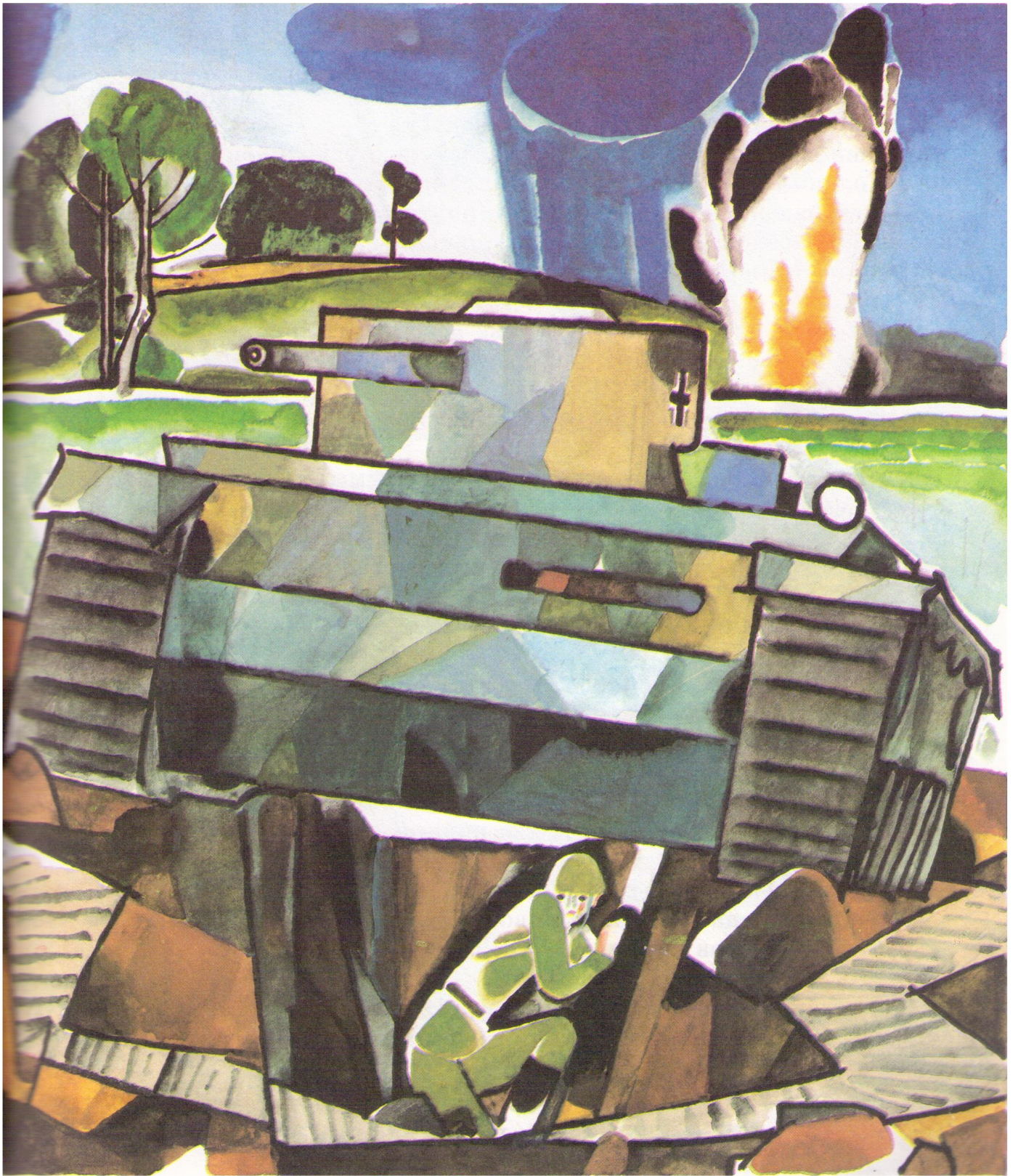

Желание это было такое сильное, что он начал выбираться из окопа. Но тут — и близко, и далеко — стали с грозным треском лопаться мины. Фашисты обстреливали позицию взвода. Глеб пригнулся в своём окопе, слушал взрывы и думал: как выглянуть из окопа, чтобы осмотреться? Высунешь голову — осколком убьёт! И нельзя не выглянуть — может, враги уже совсем близко...

И он выглянул. По лугу катился танк. Позади редкой цепью, пригибаясь, бежали автоматчики. Самое неожиданное и потому очень страшное было то, что танк двигался не по ложбине, как предполагал лейтенант, не в стороне от окопа, а прямо на окоп бронебойщика. Лейтенант Кривозуб рассуждал правильно: танк поехал бы по ложбине, если бы в него стреляли из рощиц пушки. Но наши пушки не стреляли, они погибли под бомбёжкой. И фашисты, остерегаясь, что ложбина заминирована, пошли напрямую. Глеб Ермолаев готовился стрелять в борт фашистского танка, где броня тонкая, а приходилось теперь стрелять в лобовую броню, которую и не каждый снаряд возьмёт.

Танк приближался, гремя гусеницами, покачиваясь, будто кланяясь. Позабыв об автоматчиках, бронебойщик Ермолаев втиснул приклад ружья в плечо, прицелился в смотровую щель водителя. И тут сзади длинной очередью вдруг ударил пулемёт. Пули зашвистели рядом с Глебом. Не успев ни о чём подумать, он выпустил ПТР из рук и присел в окопе. Он испугался, что свой пулемётчик зацепит его. А когда Глеб сообразил, что пулемётчик и стрелки взвода бьют по фашистским автоматчикам, чтобы не подпустить их к Глебову окопу, что они прекрасно знают, где его окоп, стрелять по танку было уже поздно. В окопе стало темно, как ночью, дохнуло жарой. Танк наехал на окоп. Грохоча, крутился на месте. Зарывал в землю бронебойщика Ермолаева.

Как из глубокой воды, Глеб рванулся из своего засыпанного окопа. То, что спасён, солдат понял, вдохнув воздух сквозь забитый землёй рот. Он тут же открыл глаза и увидел в синем бензиновом дыму корму уходящего танка. И ещё увидел своё ружьё. Оно лежало полусасыпанное, прикладом к Глебу, стволом в сторону танка. Верно, ПТР попало между гусеницами, крутилось вместе с танком над окопом. В эти тяжкие минуты и стал Глеб Ермолаев настоящим солдатом. Он рванул к себе ПТР, прицелился, выстрелил — с обиды за свою оплошность, искупая вину перед взводом.

Танк задымил гуще, чернее. Дым шёл не из выхлопных труб, а из туловища танка, находя для выхода щели. Потом вырвались с боков и из кормы плотные, чёрные клубы, перевитые лентами огня. «Подбил!» — ещё не веря в полную удачу, сказал Глеб самому себе. И поправил себя: «Не подбил. Поджёг».

За тучей чёрного дыма, стелившегося по лугу, ничего не было видно. Только слышалась стрельба: солдаты взвода довершали схватку с вражеским танком. Вскоре из дыма выскочил лейтенант Кривозуб. Он бежал с автоматом к ложбине, где укрылись после гибели танка вражеские автоматчики. За командиром бежали солдаты.

Глеб не знал, что делать ему. Тоже бежать к ложбине? С противотанковым ружьём не очень-то побежишь, вещь тяжёлая. Да и бежать он не мог.

Он так устал, что ноги еле держали его.

Глеб сел на бруствер окопа.

Последним из дымовой завесы выбежал маленький солдатик. Это был Семён Семёнович. Он долго не мог вскарабкаться на насыпь перед траншеей и отстал. Семён Семёнович заметался на лугу — рванулся к ложбине за всеми, потом метнулся в сторону Глеба, увидев его, сидящего на земле. Подумал, что первый номер броневой расчёта ранен, нуждается в перевязке, и побежал к нему.

— Не ранен? Нет? — спросил Семён Семёнович и успокоился. — Ну, Ермолай Глебов, крепко ты его ударил...

— Да не Ермолай я, — сказал Глеб с досадой. — Когда же вы запомните это?

— Всё я помню, Глеб! Так это я говорю, от неловкости. Мы же вдвоём должны были бить его. А ты, видишь, в траншее меня оставил...

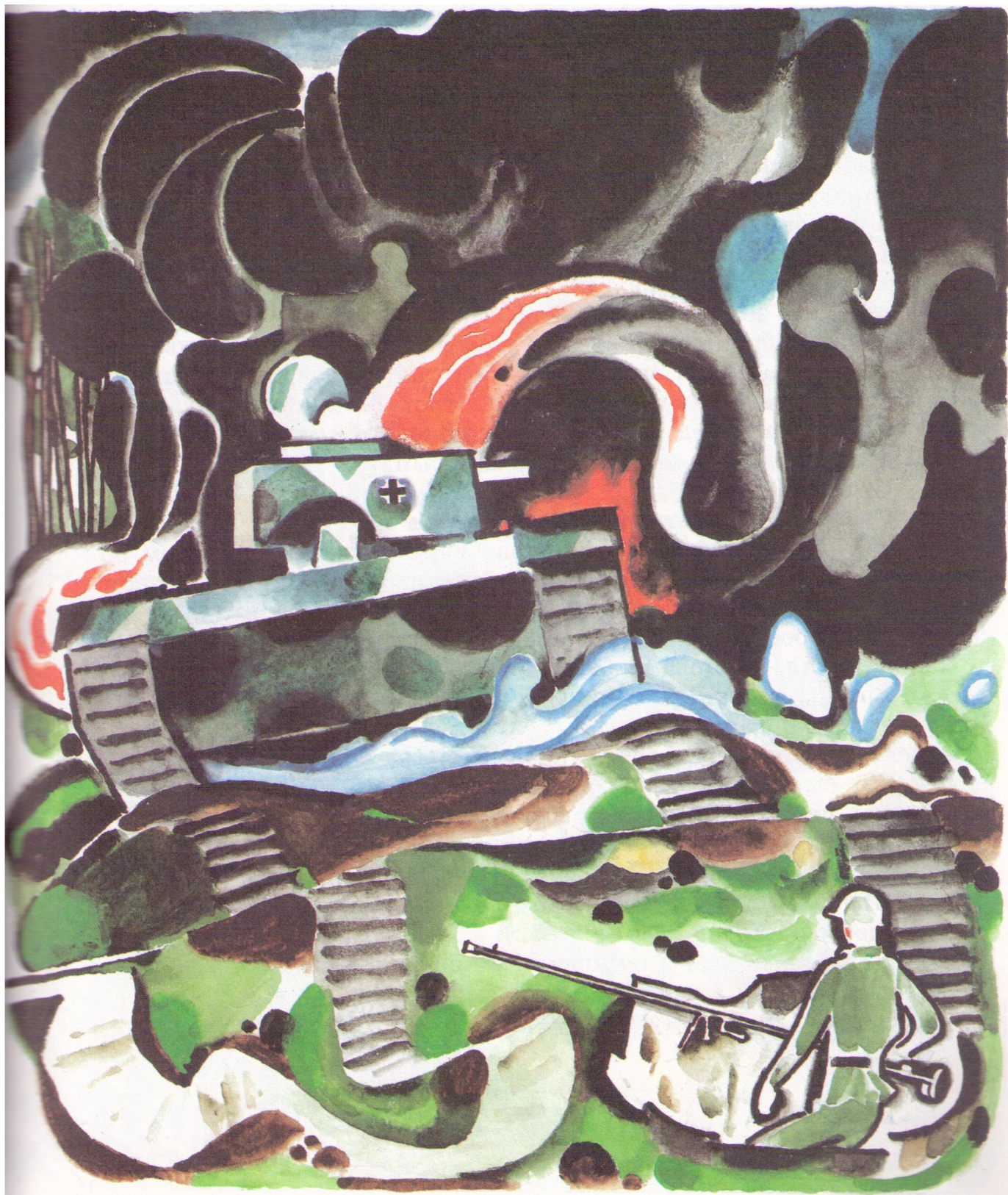
— И правильно, окоп-то был на одного.

— Правильно, да не очень. Вдвоём-то повеселее было бы...

Глебу от этих слов и от всего, что произошло, стало так хорошо, что он чуть не заплакал.

— Эх, Семён Семёнович, — сказал он, и голос его задрожал. — Насидимся мы ещё вдвоём. И танки вдвоём подобьём. А этот, наш первый, близко к траншее подошёл?

— Близко. Фашисты из него выскакивали прямо к нам на винтовки.

...Минуло ещё несколько тревожных дней — с бомбёжками, с артиллерийским и миномётным обстрелом, а потом всё стихло. Наступление фашистам не удалось. В тихие дни Глеба Ермолаева вызвали в штаб полка. Лейтенант Кривоzub рассказал, как идти туда.

В штабе полка, в овраге, заросшем густыми кустами, собралось много народу. Оказалось, это были бойцы и командиры, отличившиеся в недавних боях. От них Глеб узнал, что происходило справа и слева от его взвода: фашисты наступали полосой в несколько километров и нигде им не удалось прорвать нашу оборону.

Из штабной землянки, вырытой в склоне оврага, вышел командир полка. Храбрецы уже стояли ровным строем. Их вызывали по списку, они по очереди выходили и получали награды. Выкликнули Глеба Ермолаева. Полковник, человек строгий, но, судя по глазам, и весёлый, увидев перед собой совсем молодого солдата, подошёл к Глебу и спросил, как отец спрашивает сына:

— Страшно было?

— Страшно, — ответил Глеб. — Струсил я.

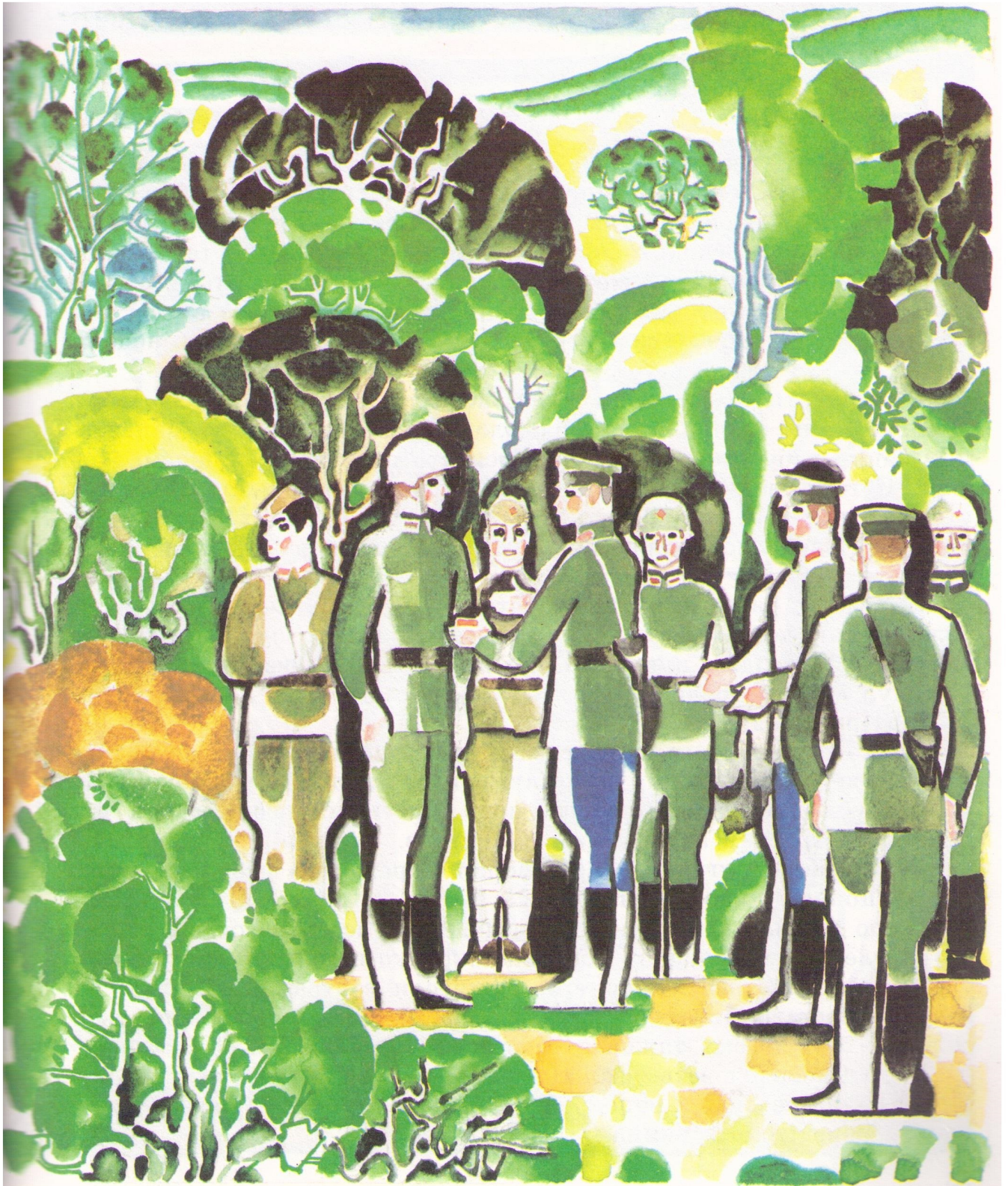
— Это он-то струсил! — закричал вдруг задорным голосом полковник. — На нём танк фокстрот танцевал, а он танцы перетерпел и изуродовал немцам машину, как бог черепаху. Нет, ты скажи прямо, не скромничай — не боялся ведь?

— Струсил, — снова сказал Глеб. — Я танк случайно подбил.

— Вот, слышите? — закричал полковник. — Вот молодец! Да кто бы тебе поверил, если бы сказал — не струсил. Как же не бояться, когда на тебя одного такая штука лезет! Но насчёт случайности ты, сынок, ошибаешься. Подбил ты его закономерно. Ты в себе страх переборол. Загнал свой страх в башмаки под пятки. Тогда уж и целился смело и смело стрелял. За подвиг тебе полагается орден Красной Звезды. Дырочку на гимнастёрке что же не проткнул? Имей в виду, как ещё танк сожжёшь, так протыкай дырочку — будет ещё орден.

Глеб Ермолаев был в смущении от похвалы командира. Однако, получив коробочку с орденом, не забыл сказать:

— Служу Советскому Союзу!

Митяев, А.В. Шестой-неполный [текст]: рассказы о Великой Отечественной войне: [6+]/ Анатолий Митяев; рисунки Н. Цейтлина.- Москва: Детская литература, 1987.- 160с.: ил.